

Современная жизнь

Юхан Норберг

немыслима без глобализации:

в защиту

мы покупаем товары

глобального

по интернету, работаем

капитализма

в транснациональных

Книга шведского экономиста Юхана Норберга «В защиту глобального

корпорациях, отдыхаем

капитализма» рассматривает расхожие представления о глобализации

за границей и смотрим

как причине бедности и социального неравенства, ухудшения экологической

иностранное кино.

обстановки и стандартизации культуры и убедительно доказывает, что все

Глобализация —

эти обвинения не соответствуют действительности: свободное перемещение

это совокупность поступков,

людей, капитала, товаров и технологий способствует экономическому росту,

которые мы совершаем

сокращению бедности и увеличению культурного разнообразия.

каждый день.

Юхан Норберг

В защиту глобального капитализма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3086615

*В защиту глобального капитализма / Пер. с англ. : Новое
издательство; Москва; 2007*

ISBN 978-5-98379-084-1

Аннотация

Книга шведского экономиста Юхана Норберга «В защиту глобального капитализма» рассматривает расхожие представления о глобализации как причине бедности и социального неравенства, ухудшения экологической обстановки и стандартизации культуры и убедительно доказывает, что все эти обвинения не соответствуют действительности: свободное перемещение людей, капитала, товаров и технологий способствует экономическому росту, сокращению бедности и увеличению культурного разнообразия.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	4
Предисловие	8
Глава 1	25
С каждым днем жизнь становится лучше...	25
Полуправда	25
Преодоление бедности	31
Проблема голода	38
Образование	44
Демократизация	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юхан Норберг

В защиту глобального капитализма

Предисловие к русскому изданию

Как и во многих других странах мира, в сегодняшней России сильны изоляционистские тенденции. Глобализацию часто воспринимают как угрозу, как нечто такое, что может быть хорошо для «других» и к чему «мы» вынуждены приспособливаться. Я и сам раньше так считал, однако изменил свое мнение благодаря убедительным фактам: их изобилие свидетельствует о том, что глобализация – это уникальный шанс для всего мира.

В настоящее время круглосуточно и ежеминутно около шестидесяти человек по всему миру получают возможность вырваться из крайней бедности. За последние двадцать лет число обездоленных людей на планете сократилось вдвое. Такое повышение уровня жизни не имеет прецедента во всей истории человечества. За последнее столетие человечество преумножило свое совокупное богатство и увеличило среднюю продолжительность жизни в большей степени, чем за предыдущие тысячелетия. Наиболее значителен прогресс

в государствах, предоставивших своим гражданам возможность использовать идеи и технологии всего мира, а также вести торговлю и осуществлять инвестиции за рубежом. Все это происходит благодаря процессу под названием «глобализация».

Открытость экономики имеет первостепенное значение для тех стран, которые еще не имеют доступа к международному капиталу и технологиям. Именно поэтому сегодня развивающиеся рынки показывают более высокие темпы роста, чем богатейшие государства. В современном мире все еще немало непростых проблем, однако большинство из них являются следствием недостаточной, а никак не чрезмерной глобализации. Именно наименее либеральные и наименее вовлеченные в процесс глобализации страны – такие, как государства Африки южнее Сахары, – по темпам развития отстают от остального мира, где совокупный ВВП удваивается за двадцать с небольшим лет. Многие люди не думают о том, что глобализацию следует начинать изнутри своего государства, – и это является одной из причин подобного отставания. До тех пор пока в отдельной стране не обеспечены верховенство закона и защита прав частной собственности, не ликвидированы коррупция и произвол бюрократии, полноценный доступ к плодам глобализации имеет лишь немногочисленная околотовластная элита.

Я написал эту книгу с целью рассказать о настоящем потенциале глобализации и о том, как много теряют государ-

ства, не вовлеченные в этот процесс. Решение самых значимых проблем современности уже найдено – и оно не в амбициозных политических программах, оно исходит от простых людей. Всегда и везде, если у бедных появляются права на собственность, работу и торговлю, а также свобода доступа к капиталу и возможность создать свое дело, им удастся преуспеть и расширить возможности для себя и всех остальных без всякой помощи государства.

Поскольку людей, имеющих возможность свободно создавать и изобретать, становится все больше, упрощается доступ всех и каждого к новым идеям и технологиям, которые, в свою очередь, могут способствовать улучшению нашей жизни и развитию экономики наших стран. В свое время русский инженер Владимир Зворыкин изобрел кинескоп, а выгоду получили все страны с открытой экономикой, заимствовавшие эту технологию. Мобильный телефон был изобретен не в России, но ее жители сегодня уже не мыслят без него свою жизнь...

Произведенные за границей инновации и блага становятся угрозой лишь тогда, когда мы не готовы их принять и закрываем от них и сопутствующей им конкуренции границы наших стран. Однако в этом случае весь остальной мир будет получать выгоду от новейших идей и возможностей, которыми обладают предприниматели, а мы не сможем ими воспользоваться. Перемены всегда даются нелегко, однако лучше быть в их фарватере, чем плестись в хвосте в числе от-

стающих и в конце концов получать доступ к инновациям самыми последними.

В действительности нам нечего опасаться глобализации, нас страшит лишь это понятие.

Лично для меня наиболее очевидным доказательством огромного потенциала глобализации послужило то, что настоящая книга была переведена на множество языков по всему миру. Однако она не имела бы по-настоящему глобального охвата без перевода на русский язык. Это имеет для меня особое значение. Я вырос в Швеции и всегда отдавал себе отчет в том, что совсем неподалеку, в СССР, люди лишены тех возможностей, которые есть у меня. Однако россияне сумели не только пережить семьдесят лет диктатуры, но до сих пор выдерживают последовавшие в постсоветский период хаос и всепоглощающую коррупцию. Теперь и для граждан России настал час взять судьбу в свои руки.

Стокгольм, март 2007 года

Предисловие

Свершилось чудо – наша анархистская партия победила на школьных выборах!

Итак: место действия – школа в одном из западных пригородов Стокгольма; время действия – осенний семестр 1988 года (нам тогда было по шестнадцать лет). Как обычно, когда в стране проходили всеобщие выборы, у нас в школе устраивали собственную «предвыборную кампанию» в миниатюре. Но мы с моим лучшим другом Маркусом не верили в существующую систему. Мажоритарные выборы, думали мы, напоминают голосование двух волков и ягненка относительно обеденного меню. Школа хотела, чтобы мы избрали тех, кто будет нами управлять, а мы хотели быть хозяевами собственной жизни.

Отчасти, наверно, это было связано с тем, что мы чувствовали свое отличие от других. Я увлекался электронной музыкой и «готикой», одеваться предпочитал в черное, а волосы зачесывал назад. Нас интересовали музыка и книги, а все вокруг словно помешались на модных аксессуарах. Правые казались нам представителями имущих классов, элиты, не терпящей никого, кто от них отличается. Но и левые не вызвали у нас энтузиазма: они символизировали унылую государственную бюрократию и засилье регламентации. Хоть мы и предпочитали слушать группу Sisters of Mercy и швед-

ского панк-певца Тострема, нашим «символом веры» были слова из песни Джона Леннона «Imagine»: «Представь, что в мире нет границ». С отдельными государствами пора кончать, думали мы, люди должны иметь право свободно перемещаться по всей планете и сотрудничать друг с другом по собственной воле. Мы грезили о мире без «обязаловки», без правителей. Понятно, что мы тогда не принадлежали ни правым, ни левым, ни консерваторам, ни социал-демократам. Мы были анархистами!

Так мы основали «Анархистский фронт» и выставили свои кандидатуры на школьных выборах, придумав ироническую радикальную платформу. Мы развешивали в школьных коридорах самодельные плакаты с вопросами вроде: «Кто будет определять твою жизнь – ты сам или 349 парламентариев?» Мы требовали «упразднить» государство... и отменить запрет кататься на мотоциклах по школьному двору. Большинство учителей не поняли нашей затеи: они решили, что мы просто издеваемся над выборами, – мы же считали, что высказываем собственную позицию в лучших традициях демократии. И вызов в кабинет директора для «разбора полетов» лишь укрепил наш бунтарский дух.

Мы получили неплохой результат в конкурентной предвыборной гонке—25 % голосов. Социал-демократы заняли второе место, набрав 19 %. Мы были без ума от восторга, уверенные, что это лишь первый шаг к чему-то новому, важному...

С тех пор прошло пятнадцать лет. За это время мое мировоззрение во многом изменилось. Я понял, что взаимоотношения между индивидом и обществом, свободой и принуждением куда сложнее, чем нам тогда казалось, и эти проблемы нельзя решить одним радикально-утопическим шагом. Я осознал, что государство в какой-то форме все же необходимо – защищать свободу и не позволять тем, кто могущественнее или богаче, угнетать других. Теперь я убежден, что представительная демократия лучше любой другой политической системы позволяет решить именно эту задачу – защиты прав личности. И еще я понял, что благодаря современному индустриальному обществу, которое в юности наводило на меня такую тоску, мы добились высочайшего уровня жизни и распространения демократии.

Но тяга к свободе у меня сегодня не меньше, чем тогда – во время той потрясающей «избирательной кампании» 1988 года. Я до сих пор мечтаю, чтобы люди были свободны, чтобы никто никого не угнетал, чтобы государства не имели права загонять людей за частоколы границ и посредством запретительных тарифов мешать им сотрудничать друг с другом.

Именно поэтому мне так нравится явление, обозначаемое малосодержательным понятием «глобализация», – процесс все более беспрепятственного перемещения через государственные границы людей, информации, товаров, инвестиций, демократии и рыночной экономики. Благодаря этой «интернационализации» нас все меньше сковывают искус-

ственные рубежи, изрезавшие политическую карту мира.

Политическая власть всегда была порождением географии, в ее основе – контроль над определенной территорией. Глобализация позволяет нам все свободнее преодолевать эти территориальные рамки, путешествуя, торгуя или вкладывая капиталы по всему миру. Благодаря снижению транспортных расходов, изобретению новых, более эффективных средств связи, либерализации торговли и движения капиталов пространство нашего выбора кардинально расширилось и появилось множество новых, немыслимых ранее возможностей.

Нам уже не обязательно покупать товары у местной компании-монополиста – ее иностранные конкуренты к нашим услугам. Мы не обязаны трудиться у единственного работодателя в родной деревне: можно поискать другие варианты. Прошло время, когда мы довольствовались культурными достижениями только собственной страны, – перед нами открыта вся сокровищница мировой культуры. Мы больше не обречены всю жизнь провести в том месте, где родились: теперь можно свободно путешествовать по миру и переезжать туда, куда захотим.

Все эти новые реалии «освобождают» и само наше мышление. Мы больше не настроены подчиняться привычному укладу жизни: мы хотим сами делать выбор – энергично и свободно. Фирмам, политикам, организациям теперь приходится приложить немало усилий, чтобы добиться интереса

или поддержки со стороны людей, перед которыми открылся целый мир новых возможностей. Мы все больше обретаем способность самостоятельно определять свою жизнь, а вместе с этим растет и наше благосостояние.

Потому мне кажется печальным недоразумением тот факт, что люди, называющие себя анархистами, выступают против глобализации, а не в ее защиту! В июне 2001 года я побывал в Гётеборге, где в это время проходил важный саммит Евросоюза. Я приехал туда, чтобы объяснить: проблема ЕС заключается в том, что эта структура часто препятствует глобализации и либерализации, а также изложить свою идею о необходимости упразднения границ и государственного регулирования.

Произнести свою речь мне так и не удалось. Место, где проходил митинг, на котором я должен был выступать, вдруг превратилось в настоящее поле боя – так называемые анархо-антиглобалисты принялись громить магазины и швырять камнями в полицейских, пытавшихся защитить нас – людей, реализующих свое право на свободу собраний. Эти «анархисты» требовали введения запретов и регулирования, бросали камни в людей, исповедующих иные ценности, и настаивали, чтобы государство вновь взяло власть над людьми, которые освободились от оков национальных границ. Они издевались над самой идеей свободы. Во времена нашего веселого «Анархистского фронта» у нас бы язык не повернулся назвать этих людей анархистами. В нашем «черно-белом»

подростковом сознании для них нашлось бы единственное определение – фашисты.

Но подобные проявления насилия – лишь один из элементов масштабного движения, критически относящегося к усилению глобализации. В последние годы все больше людей утверждают, что вновь обретенная свобода и интернационализм зашли слишком далеко и порождают «гиперкапитализм». Участники движения протеста против этого «глобального капитализма» могут называть себя радикалами, говорить, что выступают за новые перспективные идеи: их аргументы – лишь очередной вариант все того же противодействия свободе рынков и торговли, традиционно характерного для государственных властей. Многие – авторитарные режимы в странах третьего мира и «еврократы», аграрные движения и корпорации-монополисты, интеллектуалы-консерваторы и «новые левые» – боятся, что в результате глобализации люди отберут часть власти у политических институтов. Всех их объединяет представление о глобализации как о некоем чудовище, вырвавшемся из-под контроля, которое надо срочно изловить и посадить на цепь.

Зачастую критики глобализации стараются изобразить ее как гигантское и угрожающее явление, причем никаких обоснованных аргументов в защиту этого тезиса не приводится. Говорится, к примеру, о том, что более полусотни гигантских корпораций по масштабам экономической деятельности сравнимы с крупными государствами, или о том, что

на мировом финансовом рынке ежедневно обращается до 1,5 триллиона долларов, как будто в самом масштабе происходящего заключено нечто опасное и пугающее. Однако все это лишь арифметика, никак не проясняющая суть дела. Надо еще доказать, что большой бизнес или масштаб денежного оборота сами по себе является чем-то негативным, но подобными доказательствами критики глобализации не часто себя утруждают. В данной книге я попытаюсь обосновать противоположную точку зрения: пока у нас есть возможность свободного выбора, нет ничего плохого в том, что некоторые формы добровольного сотрудничества благодаря своей эффективности развиваются успешно и масштабно.

Впечатляющие цифры вроде вышеприведенных, да и само понятие «глобализация», появившееся еще в начале 1960-х годов, но получившее широкое распространение лишь в 1980-х, создают образ некоей анонимной, загадочной, тайной силы. Поскольку процесс глобализации определяется действиями отдельных людей во всех уголках земного шара, он кажется хаотичным и безудержным. Сетую на отсутствие «действенных сил, способных противостоять анархическим силам глобальной экономики, обуздать их и придать им цивилизованный характер», политолог-теоретик Бенджамин Барбер выразил настроение множества своих единомышленников-интеллектуалов¹.

Многие ощущают свое бессилие перед лицом глобализации, и такое чувство можно понять, если учесть, до какой

степени этот процесс определяется «децентрализованными» действиями миллионов людей. Когда другие самостоятельно определяют свою жизнь, мы не имеем власти над ними, но взамен обретаем власть над собственной жизнью. И это только к лучшему: никто не занимает места кормчего, потому что у руля стоим мы все.

Интернет бы зачах, если бы мы каждый день не обменивались посланиями, не заказывали книги, не скачивали музыку через эту глобальную компьютерную сеть. Ни одна компания не импортировала бы товары, если бы их не покупали, и никто не стал бы вкладывать капиталы в других странах, если бы там не было предпринимателей, желающих развивать свой бизнес или основать новый, чтобы удовлетворить потребительский спрос. Глобализация – это совокупность поступков, которые мы совершаем каждый день. Мы едим эквадорские бананы, пьем французское вино, смотрим американские фильмы, заказываем книги в Англии, работаем в компаниях, торгующих с Германией или Россией, проводим отпуск в Таиланде и вносим деньги на счета в пенсионных фондах, которые вкладывают их в Латинской Америке и Азии. Потоки капитала проходят через финансовые корпорации, а товары за рубежом закупают торговые фирмы, но все это делается только потому, что так хотим мы. Процесс глобализации идет «снизу», а политики просто пытаются за ним угнаться и выдумывают аббревиатуры вроде ЕС, МВФ, ООН, ВТО, ЮНКТАД или ОЭСР, надеясь ввести его в некое

«русло».

Конечно, идти в ногу со временем – дело непростое, особенно для интеллектуальной элиты, привыкшей считать, что все и всегда у нее под контролем. В своей книге о шведском поэте и историке Эрике Густафе Ейере, жившем в XIX веке, Андерс Энмарк чуть ли не с завистью пишет о том, что Ейер был в курсе всех важных мировых событий, не покидая родной Упсалы, – он просто регулярно читал *Edinburgh Review* и *Quarterly Review*². Таким вот простым и понятным был мир, когда ход событий на международной арене определяла крайне немногочисленная элита в европейских столицах. Но каким же сложным и непонятным он становится сегодня, когда «пробуждаются» другие континенты и на мировое развитие начинают влиять решения, принимаемые повседневно миллионами простых людей. Неудивительно, что люди, обладающие властью – политики и высокопоставленные чиновники, – заявляют: из-за глобализации «мы» (то есть они) утрачиваем контроль над событиями. Да, *они* его частично теряют – потому что контроль переходит к *нам*, обычным гражданам.

Конечно, это не означает, что все мы поголовно войдем в состав мировой элиты, но для участия в процессе глобализации этого и не требуется. Особенное благо она принесет бедным и обездоленным: их материальное положение намного улучшится, когда приток недорогих товаров из-за рубежа больше не будет сдерживаться тарифными барьера-

ми, а иностранные инвестиции приведут к созданию новых рабочих мест и оптимизации производства. Люди, которые по-прежнему живут там, где родились, чрезвычайно выигрывают от беспрепятственного движения информационных потоков через государственные границы и возможности свободно выбирать своих политических представителей. Но для этого надо идти вперед по пути демократических реформ и либерализации экономики.

Требование большей свободы выбора может показаться банальным, но на самом деле это не так. Тем из нас, кто живет в богатых странах, новые глобальные возможности могут показаться ненужной роскошью или даже вызвать раздражение. Что ни говори о качестве кофе в кофейнях Starbucks или безвкусных американских реалити-шоу, невыносимыми их не назовешь – по крайней мере, Starbucks. А вот существование, от которого глобализация может избавить жителей стран третьего мира, поистине невыносимо. Бедняки там живут в крайней нищете, грязи, невежестве, бесправии, они не знают, смогут ли завтра поесть досыта, они вынуждены за несколько миль носить воду, которая к тому же далеко не всегда пригодна для питья.

Когда глобализация постучалась в дверь Бхаганта, пожилого батрака из касты неприкасаемых, живущего в индийской деревне Сайджани, она принесла ему и его односельчанам дома из кирпича вместо глинобитных хижин. В деревне появилась канализация, и вместо тяжелого запаха нечистот

воздух теперь наполнен ароматом возделанной земли, жители больше не ходят босиком; они носят чистую одежду вместо лохмотьев. Тридцать лет назад Бхагант не знал даже названия страны, в которой живет. Сегодня он смотрит международные новости по телевизору³.

Новообретенная свобода выбора означает, что люди уже не обречены батрачить у богатых и влиятельных крестьян – единственных работодателей в деревне. Женщины, получив работу в городах, приобретают больший вес и в семье. Формирование новых рынков капитала означает, что детям Бхаганта, если им надо занять денег, больше не придется идти к местным ростовщикам, которые заставляют отрабатывать долги. Иго ростовщиков, некогда державших в руках всю деревню, свергнуто: теперь люди могут обращаться за кредитом в различные банки по своему выбору.

Поколение, к которому относится сам Бхагант, сплошь неграмотно, из его детей и их сверстников мало кто посещал школу, теперь же его внуки и дети их возраста учатся *все без исключения*. По мнению Бхаганта, положение явно изменилось к лучшему. Сегодня у людей больше свободы, они стали богаче. Вот только дети отбиваются от рук. В его времена они были послушными и помогали по дому, а теперь стали чересчур самостоятельными, сами зарабатывают себе на жизнь. Подобные вещи, конечно, вызывают раздражение, но разве это можно сравнить с тем, что было раньше, когда дети зачастую не доживали до совершеннолетия или семьям при-

ходило́сь продавать их в рабство ростовщикам-лихоимцам.

От позиции, которую вы, я и другие жители богатых стран мира займем по отношению к актуальнейшей проблеме глобализации, будет зависеть ответ на вопрос – получают ли многие другие люди доступ к благам развития, которое уже преобразило деревню, где живет Бхагант, или этот процесс обернется вспять.

Критики глобализации часто рисуют зловещую картину заговора хищников-неолибералов¹, стремящихся обеспечить мировое господство капитализма. Так, политолог Джон Грей описывает распространение рыночной экономической политики в буквальном смысле как некий «государственный переворот», организованный сторонниками «радикальной» идеологии, «просочившимися» во властные структуры. «Цель этой революции», по словам Грея, состоит в «полной и окончательной изоляции неолиберального экономического курса от демократического контроля в политической жизни»⁴. Некоторые ученые мужи, в том числе редактор журнала *American Prospect* Роберт Каттнер и экономист Джозеф Стиглиц, даже называют сторонников свободного рын-

¹ Я использую понятие «либерал» в европейском истолковании – как относящееся к носителям либеральных традиций XIX века, выступающим за свободу торговли, рыночную экономику и гражданские права, – а не в том смысле, который в него обычно вкладывают в Америке, где либерал – это человек, исповедующий левоцентристские политические взгляды. В американском политическом спектре к традиционным либералам наиболее близки «либертарианцы».

ка адептами некоего квазирелигиозного культа, который они определяют как «рыночный фундаментализм».

Однако дерегулирование, приватизация и свобода торговли – не изобретение ультралиберальных идеологов. Конечно, идеями экономического либерализма вдохновлялись некоторые политические лидеры – например, Рейган или Тэтчер. Однако самые радикальные реформы в этом направлении осуществляли коммунисты в Китае и СССР, сторонники протекционизма в Латинской Америке и националисты в Азии. Многие европейские страны вышли на этот путь по инициативе социал-демократов. Одним словом, утверждения о «заговоре» ультралибералов, проводящих свою «революцию» методами шоковой терапии, не соответствуют действительности. Напротив, инициаторами либерализации экономики выступают прагматичные, нередко антилиберальные политики, осознавшие, что их правительства слишком далеко зашли в стремлении контролировать все и вся. Что же касается тезиса о «мировой гегемонии» либерального капитализма, то для его опровержения достаточно привести один факт: никогда еще в истории государственный сектор не был так велик, а налоги – так высоки, как в сегодняшнем мире. Меры по либерализации экономики позволили ликвидировать некоторые из централизаторских перекосов, доставшихся нам в наследство от прошлого, но они ни в коей мере не означают введения системы *laissez faire*. А поскольку, частично отказываясь от этатизма, власти сами

определяли условия и темпы этого «отступления», вопрос логично поставить по-другому: может быть, либерализация зашла не слишком далеко, а недостаточно далеко?

Когда я говорю, что хочу выступить в защиту капитализма, я стремлюсь защитить свободу действовать методом проб и ошибок, не спрашивая разрешения у правителей или чиновников. Это та самая свобода, которую я когда-то связывал с анархизмом, только введенная в рамки закона, гарантирующего, что свобода одного не ущемит свободу других. Я хочу, чтобы у каждого была в изобилии такая свобода. Если критики капитализма считают, что этой свободы у нас сегодня в избытке, то, по моему мнению, ее должно быть еще больше – в перепереизбытке, – особенно у всех бедняков мира, которые при нынешнем положении дел не имеют решающего голоса в вопросах, связанных с их собственной работой и потреблением. Потому я без колебаний назвал эту книгу «В защиту глобального капитализма», пусть даже капитализм, которому она посвящается, – это скорее потенциальное будущее, а не реальность сегодняшнего дня.

Капитализм, о котором идет речь, представляет собой не только владение капиталом и возможности для вложения своих средств. Все это может существовать и в рамках командной экономики. Я говорю о либеральной рыночной экономике, где царит свободная конкуренция, основанная на праве каждого пользоваться своей собственностью и личной свободой для проведения переговоров, заключения сделок и

образования новых предприятий. Иными словами, я защищаю экономическую свободу личности. Капиталисты опасны в том случае, когда они, вместо того чтобы стремиться к получению прибыли в условиях честной конкуренции, объединяются с государством. Если в стране существует диктаторский режим, частные корпорации нередко становятся соучастниками нарушения прав человека: пример тому – действия ряда западных нефтяных компаний в африканских странах⁵. Точно также нельзя назвать *настоящими* капиталистами тех бизнесменов, что рыщут по коридорам власти, добиваясь для себя льгот и привилегий. Напротив, они представляют собой угрозу для свободного рынка, а потому их поведение заслуживает всяческой критики и противодействия. Часто бизнесменам нравится играть в политику, а политикам – в бизнес. Когда такое происходит, мы имеем дело не с рыночной, а со смешанной экономикой, где предприниматели и политики играют не те роли, что им отведены. Капитализм является свободным, когда политики проводят либеральный курс, а предприниматели занимаются своим прямым делом – бизнесом.

Я верю, в первую очередь, не в капитализм или глобализацию. Материальные блага, инновации, общность между людьми, сокровища культуры – все это создают не административные системы или нормативные акты, а люди. Поэтому я верю в способность человека к великим свершениям, я верю в коллективную силу людей, возникающую в резуль-

тате нашего взаимодействия и сотрудничества. Я выступаю за расширение свободы и открытости не потому, что считаю какую-то конкретную систему более эффективной, чем другая, а потому, что свобода и открытость создают предпосылки для развития творческой активности, и в этом с ними не сравнится ни одна система. Они становятся движущей силой гуманитарного, экономического и научно-технического прогресса. Вера в капитализм не равносильна вере в рост, экономику, эффективность. Все это пусть позитивные, но всего лишь результаты деятельности людей. По сути, вера в капитализм – это вера в человечество и его успех.

Подобно большинству других либералов, я могу подписаться под словами французского премьера-социалиста Лионеля Жоспена о том, что нам нужна «рыночная экономика, но не рыночное общество». Я не хочу, чтобы экономические сделки заменили все другие отношения между людьми. Я за то, чтобы человеческие отношения были свободными и добровольными – во всех областях. В сфере культуры это означает свободу самовыражения и печати. В политике – демократию и верховенство закона. В обществе – право каждого жить в соответствии с собственными ценностями и самому выбирать круг общения. В экономике же это означает капитализм и свободный рынок.

Я не хочу, чтобы мы клеили ценники на все, что нас окружает. Важнейшие вещи в жизни – любовь, семью, дружбу, собственный неповторимый образ жизни – не измерить в

долларах. Те, кто считает, что, по мнению либералов, все действия людей определяются стремлением увеличить свои доходы, ничего не знают о либералах, а те либералы, кто действительно так думает, ничего не знают о человеческой природе. Я пишу книгу о значении глобализации, а не работаю, скажем, бухгалтером или рыбаком вовсе не из желания получить больше денег. Я пишу о том, во что я верю и считаю важным. И я хочу жить в либеральном обществе потому, что оно дает людям право самим определять, что для них важно.

В заключение хочу от всего сердца поблагодарить друзей, помогавших мне правильно выстроить свои мысли по этим вопросам, – помогавших по той простой причине, что их это тоже волнует, – в особенности Фредрика Эриксона, Софию Нербранд и Маурисио Рохаса. Отдельное спасибо Барбро Бенгтсон, Шарлотте Хагблад и Кристине фон Унге за то, что они так умело привели мою рукопись в надлежащий вид.

Стокгольм, январь 2003 года

Глава 1

С каждым днем жизнь становится лучше...

Полуправда

Люди издревле считали, что дела идут все хуже и хуже, и сетовали о «старых добрых временах» – еще в 1014 году епископ Йоркский Вульфстан объявил в одной из проповедей: «Мир охвачен лихорадкой и близится к своему концу». В нынешних дискуссиях вокруг глобализации за отправную точку часто берется именно эта мысль – мир катится в тартары. Несколько лет назад папа Иоанн Павел II, словно переключаясь с собратом по клиру через пропасть почти в десять столетий, подытожил развитие событий в мире таким образом: «Во многих регионах происходит возрождение некоего капиталистического неолиберализма, который подчиняет человеческую личность слепым рыночным силам и обуславливает развитие народов действием этих сил... Таким образом, мы видим, что в рамках международного сообщества горстка стран несоразмерно богатеет за счет растущего об-

нищания множества других стран: в результате богатые становятся все богаче, а бедные – все беднее»¹.

Говорят, что несправедливости в мире становится все больше. Критики рыночной экономики, словно греческий хор, скандируют: «Богатые становятся еще богаче, а бедные – еще беднее». Причем это преподносится как некая аксиома, а не тезис, который необходимо обосновать. Но стоит отвлечься от хлестких лозунгов и посмотреть, что на самом деле происходит в мире, как выяснится: это утверждение – лишь полуправда. Первая его часть соответствует действительности: богатые и правда становятся еще богаче – не все до одного, конечно, но в целом это так. Те, кому посчастливилось жить в развитых странах, за последние десятилетия действительно стали заметно богаче. То же самое можно сказать и о богатых людях в третьем мире. Но вторая часть утверждения критиков ошибочна. Бедные – опять же в общем и целом – не стали за последние десятилетия беднее. Напротив, число людей, живущих в абсолютной нищете, сократилось, а там, где их было больше всего, – в Азии – беднякам, которые еще двадцать лет назад с трудом сводили концы с концами, сегодня гарантировано приличное существование и даже некий скромный достаток. Невзгоды людей в мировом масштабе уже не столь остры, и самые вопиющие проявления несправедливости начали смягчаться. Чтобы опровергнуть широко распространенные, но неверные представления о сути происходящего в современном мире,

в этой вводной главе пришлось поместить немалое количество цифр и графиков².

Среди книг, опубликованных в последние годы, одна из самых интересных называется «По азиатскому времени: Индия, Китай и Япония в 1966–1999 годах». Она представляет собой своеобразный путевой дневник, в котором шведский писатель Лассе Берг и фотограф Стиг Карлссон рассказывают о недавней поездке по тем же азиатским странам, которые посетили еще в 1960-х годах³. Тогда, более тридцати лет назад, они видели вокруг нищету, страдания и унижения; казалось, эти государства движутся к неминуемой катастрофе. Как и многие другие иностранцы, побывавшие в этих странах, Берг и Карлссон смотрели на их будущее без оптимизма; единственным выходом им тогда представлялась социалистическая революция. Однако, вернувшись в Индию и Китай в 1990-х, они осознали свою ошибку. Все больше жителей этих стран преодолевают нищету, проблема голода уже не стоит так остро, даже улицы стали чище. На месте глинобитных хижин появились кирпичные дома с электроснабжением и телевизионными антеннами на крыше.

Когда Берг и Карлссон в первый раз побывали в Калькутте, 10 % жителей этого города не имели крыши над головой, и каждое утро грузовики, нанятые властями или благотворительными организациями, колесили по улицам, собирая трупы тех, кто не пережил прошедшую ночь. Через тридцать лет, когда авторы книги решили сфотографировать бездом-

ных, найти хотя бы одного оказалось непросто. С городских улиц исчезают рикши – люди теперь ездят на машинах, мотоциклах или в метро.

Берг и Карлссон показывали молодым индусам фотографии, сделанные тридцать лет назад, но те просто не верили, что их город мог когда-то выглядеть так. Неужели все действительно было настолько ужасно? Одно из потрясающих свидетельств о происшедших переменах – две фотографии, помещенные в книге рядом. На снимке, сделанном в 1976 году, двенадцатилетняя девочка по имени Сатто показывает фотографу свои руки, уже огрубевшие и покрытые мозолями от тяжелого труда. На втором, недавнем снимке в той же позе изображена дочь Сатто – тринадцатилетняя Сима. У нее гладкие, мягкие руки – такие же, как у любой девочки, которую не лишили нормального детства.

Но больше всего изменились образ мысли и мечты людей. Телевидение и пресса несут им идеи и образы со всех концов света, расширяя представления о границах возможного. Почему человек должен всю жизнь сидеть на одном месте? Почему женщина обязана уже в юном возрасте рожать детей, принося в жертву свою карьеру? Почему браки заключаются по соглашению между родителями (и боже упаси взять жену или мужа из касты неприкасаемых) – ведь в других странах люди строят семейную жизнь по собственной воле? Почему мы должны мириться именно с этой формой правления – в мире существует много других вариантов политического

устройства!

Лассе Берг самокритично замечает:

Сегодня, читая прогнозы, сделанные наблюдателями – иностранцами или самими индийцами в шестидесятых и семидесятых годах, понимаешь, что ни один из них не оправдался. Сколько было мрачных сценариев – говорили о перенаселенности, социальной нестабильности и потрясениях или экономической стагнации, – но никто не смог предугадать этого спокойного и неуклонного продвижения вперед, а тем более такой «модернизации» в умах. Кто мог предвидеть, что культура потребления так глубоко проникнет даже в сельскую глубинку? Кто прогнозировал столь успешное развитие экономики и общий рост жизненного уровня? Оглядываясь назад, можно сказать, что у всех этих сценариев была одна общая черта: раздувание всего необычайного, пугающего, непредсказуемого (тут у каждого автора был свой «конек») и недооценка мощной тяги людей к «нормальной» жизни⁴.

Все то, о чем пишет Лассе Берг, оказалось возможным без социалистической революции – нынешние достижения стали результатом нескольких десятилетий последовательного укрепления индивидуальной свободы. Расширились свобода выбора и масштабы международных связей и обменов, инвестиции и международная помощь, направляемая на цели развития, принесли с собой не только финансовые ресур-

сы, но и новые идеи, что позволило развивающимся странам воспользоваться знаниями, богатствами и техническими достижениями других стран. Условия жизни людей улучшились за счет импортных лекарств и модернизации системы здравоохранения. Современные технологии и новые методы организации производства позволили увеличить выпуск продукции, в том числе в пищевой промышленности, и проблема голода была решена. Граждане становились все более свободными в выборе профессии и торговле продуктами своего труда. Из статистических данных видно, насколько это способствует благосостоянию страны в целом и сокращению бедности. Однако важнее всего – сама свобода, независимость и чувство собственного достоинства, которые дает людям, прежде подвергавшимся угнетению, возможность самостоятельно принимать решения.

По мере распространения гуманистических идей рабство, еще несколько столетий назад распространенное по всему миру, изгонялось с одного континента за другим. Нелегально оно, правда, существует и сегодня, но с момента освобождения последних рабов в странах Аравийского полуострова в 1970 году эта система запрещена законом практически во всех странах мира. На смену принудительному труду, характерному для докапиталистических форм организации экономики, быстро приходит свободное заключение трудовых соглашений и свободное перемещение трудовых ресурсов в те сектора рынка, где на них возникает спрос.

Преодоление бедности

По сравнению с 1965 годом среднестатистический доход на душу населения в мире к 1998 году удвоился. Это произошло не за счет многократного роста доходов жителей развитых стран: за тот же период средние доходы самых состоятельных 20 % населения планеты увеличились на 75 %. Значительно больше – в два с лишним раза – выросли доходы беднейших 20 % жителей Земли. В странах Запада благосостояние повысилось на 40 %, в Латинской Америке – на 60 %, в Африке – на 80 %, а в Азии, самом густонаселенном континенте, – на 300 %⁵.

Благодаря улучшению материального благосостояния людей за последние полвека сегодня более 3 миллиардов жителей планеты преодолели черту бедности. Это беспрецедентный результат во всей мировой истории. Специалисты из Программы развития ООН (ПРООН) отмечают, что за последние пятьдесят лет масштабы бедности сократились больше, чем за предыдущие пятьсот. В подготовленном этой организацией «Докладе о человеческом развитии за 1997 год» утверждается, что сегодня человечество переживает «второй великий подъем» (первый начался в XIX веке, когда США и Европа провели индустриализацию и уровень жизни стал расти ускоренными темпами). Нынешний подъем начался после Второй мировой войны, и сегодня этот процесс

в самом разгаре – азиатские страны, а за ними и весь третий мир одерживают все больше побед в борьбе с бедностью, голодом, болезнями и неграмотностью.

Огромные успехи в сокращении масштабов бедности, достигнутые в XX веке, показывают, что возможность полного искоренения крайней нищеты в течение первых десятилетий XXI века вполне реальна⁶.

Масштабы бедности сокращаются быстрыми темпами. Под «абсолютной нищетой» обычно понимают доход меньше доллара в день на человека. В 1820 году – в пересчете на тогдашние курсы – таким был доход 85 % населения планеты. К 1950 году эта цифра сократилась до 50 %, а к началу 1980-х – до 33 %. Сегодня, по данным Всемирного банка, доля населения, живущего в абсолютной нищете, в развивающихся странах сократилась почти в два раза – с 40 до 21 %.

Это означает, что по всему миру за 1981–2001 годы данный показатель снизился с 33 до 18 %. При этом достижения последних двадцати лет беспрецедентны не только с точки зрения процентных показателей, но и в абсолютных цифрах: впервые в истории сократилось общее число людей, живущих в крайней нищете, – их стало меньше почти на 400 миллионов, в то время как численность населения Земли за тот же период увеличилась на 1,5 миллиарда. Причиной такого результата стал экономический рост. В странах и регионах, где благосостояние увеличивалось быстрее всего, – Восточной Азии, Китае, Индии, мы видим самые лучшие результа-

ты в борьбе с бедностью. Так, в Восточной Азии за последние два десятилетия доля населения, живущего в абсолютной нищете, сократилась с 58 до 16 %, а в Южной Азии – с 52 до 31 %⁷.

Впрочем, даже эти обнадеживающие цифры почти наверняка не полностью передают подлинный масштаб сокращения бедности: известно, что методика статистических исследований, на которых основаны оценки Всемирного банка, весьма ненадежна. Сурджит С. Бхалла, прежде работавший в Банке экономистом, недавно опубликовал собственные расчеты, дополнив результаты этих исследований данными национальных статистических органов. Он убедительно доказывает, что такая методика позволяет получить более точные оценки. Согласно исследованию Бхаллы, масштабы бедности в мире сократились еще больше – с 44 % в 1980 году до 13 % на конец 2002 года. Если его расчеты верны, получается, что за последние двадцать лет темпы преодоления бедности были просто невероятными, беспрецедентными – они вдвое превышали показатели за любой другой двадцатилетний период, по которому имеется такая статистика. В этом случае поставленная ООН задача сократить долю бедных людей во всем мире до 15 % к 2015 году уже выполнена и перевыполнена⁸.

Конечно, у скептиков в этой связи может возникнуть вопрос: «А нужны ли жителям развивающихся стран экономический рост и общество потребления? Можно ли навязывать

им наш образ жизни?» На это я бы ответил так: навязывать любой образ жизни нельзя никому. Однако большинство людей в мире, какие бы ценности они ни исповедовали, хотят, чтобы их материальное благосостояние росло – по той простой причине, что это дает им больше возможностей по собственному усмотрению распорядиться новообретенным богатством.

Лауреат Нобелевской премии индийский экономист Амартия Сен в своих трудах подчеркивает, что бедность – проблема не только материальная. Она влечет за собой еще и бесправие, недоступность элементарных возможностей для развития и свободы выбора. Весьма часто низкий доход – симптом этихявлений, результат того, что людей вытесняют на обочину общества, подвергают угнетению. Развитие человека предусматривает право на определенный уровень здоровья и безопасности, достойное качество жизни и возможность свободно определять собственную судьбу. Изучение материальных аспектов развития важно как для того, чтобы выявить способы приумножения богатства в обществе, так и потому, что материальные факторы способствуют развитию в вышеуказанном, широком смысле. Материальные ресурсы индивида и общества позволяют человеку обеспечить себе пропитание, образование, получать медицинскую помощь и не хоронить своих детей, не доживших до совершеннолетия. Когда у людей появляется возможность самостоятельного выбора, выясняется, что именно такие желания свой-

ственные практически всем жителям планеты.

Улучшение условий жизни людей по всему миру проявляется и в резком увеличении средней ожидаемой продолжительности жизни. В начале XX века в нынешних развивающихся странах этот показатель не достигал и тридцати лет, к 1960 году вырос до 46 лет, а в 1998-м составил 65 лет.

Рисунок 1. Рост средней ожидаемой продолжительности жизни

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

Сегодня в развивающихся странах люди в среднем живут на 15 лет дольше, чем жили столетие назад граждане *наиболее развитой* в экономическом отношении державы тогдашнего мира – Британии. Наименьшие темпы развития наблюдаются в Тропической Африке, а в последние годы разразив-

шаяся там эпидемия СПИДа сводит на нет даже то небольшое, чего этим странам удалось достичь. С 1960 года средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе увеличилась всего на пять лет (с 41 до 46). Наибольшая средняя ожидаемая продолжительность жизни по-прежнему наблюдается в самых богатых странах – в государствах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) этот показатель составляет 78 лет. Однако *по темпам роста* лидируют именно бедные страны. В 1960 году средняя ожидаемая продолжительность жизни в развивающихся странах была на 40 % меньше аналогичной цифры для развитых государств. Сейчас разница составляет лишь 20 %. Сегодня 90 % жителей планеты могут надеяться на то, что проживут больше 60 лет, – то есть в два с лишним раза дольше, чем их предки сто лет назад.

В книге «По азиатскому времени...» Берг описывает, как, приехав в Малайзию после тридцатилетнего перерыва, вдруг понял, что за время его отсутствия средняя ожидаемая продолжительность жизни в этой стране возросла на 15 лет. Таким образом, все эти годы на каждый день рождения малайзийцы получали в подарок шестимесячную «отсрочку» собственной смерти⁹.

Улучшение состояния здоровья людей связано не только с повышением качества питания и улучшением условий жизни, но и с совершенствованием системы здравоохранения. Двадцать лет назад в мире на тысячу человек приходился

в среднем один врач, сегодня — 1,5. В беднейших странах данный показатель на 1980 год составлял 0,6, сегодня число врачей в этих странах почти удвоилось — до 1 на тысячу жителей. Вероятно, самой показательной характеристикой условий жизни бедных людей является уровень младенческой смертности, и в этом отношении ситуация в развивающихся странах радикально улучшилась. Если в 1950 году там умирало 18 % новорожденных — почти пятая часть, — то к 1975 году этот показатель снизился до 11 %, а к 1995-му — до 6 %. Только за последние тридцать лет младенческая смертность сократилась почти вдвое — со 107 на тысячу зарегистрированных новорожденных в 1970 году до 59 в 1998-м.

Рисунок 2. Снижение уровня младенческой смертности

Источник: UNDP. Human Development Report 1997. New York: Oxford University Press for the United Nations Development Program, 1997.

Таким образом, все больше детей в бедных семьях получают шанс выжить. Поскольку доля бедных в населении планеты постоянно уменьшается, можно предположить, что масштабы бедности в мире сокращаются еще значительно, чем следует из приведенных статистических данных.

Проблема голода

Увеличение продолжительности жизни и улучшение здоровья населения планеты непосредственно связаны со снижением угрозы со стороны одного из самых жестоких проявлений слабого экономического развития – голода. С 1960-х годов количество потребляемых калорий на душу населения в третьем мире выросло на 30 %. Поданным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, в 1970 году 960 миллионов жителей развивающихся стран недоедали. К 1991 году этот показатель снизился до 830 миллионов, а в 2001-м составил уже менее 800 миллионов. Если учесть рост численности населения, то можно говорить о резком улучшении ситуации. Тридцать лет назад от хронического недоедания страдали почти 37 % жителей развивающихся стран, сегодня – 17 %. Большая цифра? Да. Слишком большая? Несомненно. Но число голодающих быстро уменьшается. Швеции в начале XX века понадобилось двадцать лет, чтобы окончательно избавиться от проблемы хронического

недоедания.

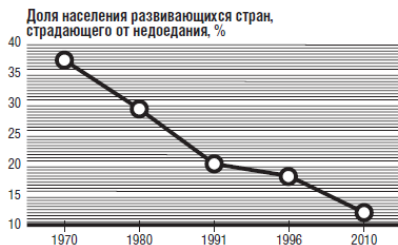
В мире же за последние тридцать лет число людей, страдающих от голода, снизилось вдвое; как ожидается, эта динамика сохранится и к 2015 году соответствующая цифра составит всего 10 %. Численность населения планеты достигла беспрецедентной величины, но никогда в истории люди не были так хорошо обеспечены продуктами питания. В 1990-х годах число голодающих уменьшалось в среднем на 3 миллиона в год при общем росте населения земного шара за это десятилетие на 800 миллионов человек.

Наиболее динамичные перемены происходили в Восточной и Юго-Восточной Азии: там доля голодающих за период с 1970 года сократилась с 43 до 10 %. В Латинской Америке этот показатель снизился с 19 до 11 %, в Северной Африке и на Ближнем Востоке – с 24 до 11 %, в Южной Азии – с 37 до 24 %. Наихудшая ситуация сложилась в Тропической Африке, где число людей, страдающих от голода, увеличилось – с 92 миллионов до почти 200 миллионов. Но даже в этом регионе их доля по отношению к общей численности населения немного, но снизилась – с 35 до 33 %¹⁰.

За последние полвека объем производства продуктов питания в мире удвоился, а в развивающихся странах – утроился. Потребление продуктов питания на душу населения с 1961 по 1999 год повысилось на 24 % – с 2257 до 2808 калорий в день. Самый быстрый рост наблюдался в развивающихся странах, где потребление увеличилось на 39 % – с

1932 до 2684 калорий¹¹.

Рисунок 3. Снижение масштабов проблемы голода в мире

Источник: Food and Agriculture Organization of the United Nations. The State of Food and Agriculture. Document C99/2 to FAO Conference. 30th Session. Rome, 1998, November 12–13.

Подобный результат лишь в очень незначительной степени связан с освоением новых земель. Главная причина – более эффективное использование имеющихся сельскохозяйственных площадей. Отдача с одного гектара возделываемой земли фактически удвоилась. Цены на пшеницу, кукурузу и рис снизились более чем на 60 %. За период с начала 1980-х годов цены на продовольствие упали вдвое, а урожайность на единицу пахотных площадей повысилась на 25 % – причем в бедных странах эти процессы проходили быстрее, чем в богатых.

Таков триумфальный результат «зеленой революции».

Были созданы более урожайные и более устойчивые сельскохозяйственные культуры, а методы сева, ирригации, удобрения почв и сбора урожая постоянно совершенствовались. Сегодня 75 % урожая пшеницы, собираемого в развивающихся странах, приходится на новые, более эффективные сорта; по оценкам, именно за счет этого фермеры получили дополнительный доход в 5 миллиардов долларов. В южной Индии благодаря «зеленой революции» реальные заработки фермеров за двадцать лет, по оценкам, выросли на 95 %, а безземельных крестьян-батраков – на 125 %. В наименьшей степени результаты «зеленой революции» ощущаются в Тропической Африке, но даже там сбор маиса с гектара увеличился на 10[^]-0%. Как считают эксперты, в отсутствие этой революции цены на пшеницу и рис были бы выше нынешних почти на 40 %, а число детей в мире, страдающих от хронического недоедания, – больше на 2 %. Сегодня продовольственная проблема никак не связана с перенаселенностью планеты. Причиной голода в наши дни становится отсутствие доступа к имеющимся знаниям и технологиям, недостаток финансов и стабильности в обществе. По мнению многих ученых, внедрение современных методов земледелия во всех странах мира позволило бы кормить все население Земли даже при большей на миллиард численности¹².

Частота вспышек массового, катастрофического голода также уменьшилась, в основном благодаря распространению демократии. Массовая гибель людей от голода имела место

в странах с самыми разнообразными формами правления – в коммунистических государствах, колониальных империях, при технократических диктаторских режимах и в обществах с племенной организацией. Однако во всех случаях речь шла о централизованных авторитарных государствах, где подавлялась свобода дискуссий и рыночных отношений. Как отмечает Амартия Сен, ни в одной демократической стране катастрофического голода ни разу не было. Даже бедные демократические государства, например, Индия или Ботсвана, избежали подобного явления, хотя и имели меньше продовольственных ресурсов, чем многие из стран, переживавших голод. И напротив, в коммунистических странах – Китае, СССР, Камбодже, Эфиопии и Северной Корее, – а также колониях (например, в Индии во времена британского владычества) такие катастрофы происходили. Это показывает, что причина голода заключается не в дефиците продовольствия, а в диктатуре. Виновниками голода являются правители, разрушающие производство и торговлю, ведущие войны или игнорирующие бедственное положение собственного населения.

По мнению Сена, демократическим государствам удастся избежать голода потому, что предотвратить его не так уж трудно – если у властей есть такое желание. Правящим кругам достаточно не ставить препон в распределении продовольствия и создавать рабочие места для тех, у кого в кризисные периоды не хватает денег на еду. Однако диктаторов

ничто не вынуждает этим заниматься – они едят досыта, даже если весь народ голодает, – в то время как демократически избранный лидер, неспособный решить проблему снабжения продовольствием, просто лишится своего поста. Кроме того, свободная пресса информирует общество о возникающих проблемах, что позволяет вовремя принимать меры. В условиях диктаторского режима из-за цензурных ограничений даже глава государства может заблуждаться относительно масштабов бедствия. К примеру, есть немало данных о том, что во время «большого скачка» в Китае (1958–1961), когда 30 миллионов человек погибли от голода, руководители страны верили собственному пропагандистскому аппарату и подтасованной статистике, которой их снабжали подчиненные, и в результате думали, что ничего катастрофического не происходит¹³.

Во всем мире улучшилась не только продовольственная ситуация; в два раза увеличились доступные объемы качественной питьевой воды – для развивающихся стран это очень важно, поскольку позволяет снизить уровень заболеваемости и не допускать эпидемий. Сегодня 80 % населения

Земли имеют доступ к чистой питьевой воде – на миллиард больше, чем в 1990 году. Еще тридцать лет назад 90 % сельских жителей планеты не имели чистой воды. Сейчас эта цифра составляет менее 20 %. В начале 1980-х годов меньше половины индийцев могли пить чистую воду, а уже через десять лет их число возросло до 80 %. Для Индонезии ана-

логичные показатели составляют соответственно 39 и 62 %. Некоторые страны, например, Кувейт и Саудовская Аравия, сегодня в значительной мере удовлетворяют свои потребности в питьевой воде за счет опреснения морской воды, запасы которой фактически неисчерпаемы. Опреснение – процесс дорогостоящий, однако опыт этих государств показывает, что экономическое благосостояние позволяет решить и проблемы, связанные с дефицитом природных ресурсов.

Образование

Один из самых эффективных способов обеспечить развитие личности и помочь человеку больше зарабатывать – дать ему образование; тем не менее многие люди лишены такой возможности. Проблема доступности образования во многом носит гендерный характер: 65 % детей, которые не ходят в школу, в результате чего остаются неграмотными, – девочки. Кроме того, эта проблема напрямую связана с нищетой. Во многих странах люди из беднейших слоев общества вообще не получают образования. Дети из бедных семей не ходят в школу потому, что либо родители просто не имеют возможности платить за обучение, либо, по их мнению, расходы на образование не имеют достаточной «отдачи». В Индии дети из 15 % самых зажиточных семей учатся в среднем на десять лет дольше, чем их сверстники из 15 % беднейших семей. Неудивительно поэтому, что ускорение эконо-

номического развития сопровождается быстрым повышением уровня образованности в обществе, а это, в свою очередь, стимулирует дальнейший экономический рост.

Сегодня в мировом масштабе начальное образование получают уже почти 100 % детей. Явным исключением вновь стала Тропическая Африка, но даже для нее этот показатель составляет 75 %. Развивается и среднее образование: если в 1960 году его получали 27 % детей по всему миру, то в 1995 году – уже 67 %. За этот же период доля детей, посещающих школу, увеличилась на 80 %. Сегодня в мире живет почти 900 миллионов неграмотных взрослых.

Рисунок 4. Распространение грамотности в развивающихся странах

Источник: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. The World Education Report 2000. Paris: UNESCO Publishing, 2000.

В количественном отношении эта цифра выглядит внушительной, и она действительно велика, но в процентном отношении здесь наблюдается большой прогресс: если в 1950 году 70 % жителей развивающихся стран не умели читать и писать, то сегодня таких осталось 23 %. С 1990 года число неграмотных снизилось на 10 % – почти на 75 миллионов. Гендерные различия в этой области также постоянно сокращаются. О том, насколько быстро распространяется грамотность в сегодняшнем мире, видно из сравнения долей грамотных людей в разных поколениях. Неграмотность среди молодежи быстро сходит на нет.

Демократизация

Возросшая скорость распространения информации и идей в мировом масштабе в сочетании с повышением уровня образования и материального благосостояния побуждает людей все активнее бороться за свои политические права. Критики глобализации утверждают, что динамичное развитие рынка и «интернационализация» капитала представляют угрозу для демократии, но на деле все это угрожает лишь их возможностям навязывать всем *свое* толкование демократии. Современная эпоха с точки зрения распространения демократических институтов, всеобщего избирательного права и возможностей самостоятельно формулировать мнение по политическим вопросам не имеет себе равных в истории.

Сто лет назад ни в одной стране мира не было всеобщего и равного избирательного права. На планете преобладали империи и монархии. Даже на Западе женщины были исключены из демократических процессов. В XX веке многие регионы мира находились под властью коммунизма, фашизма, национал-социализма – идеологий, вызвавших масштабные войны и массовые политические убийства, жертвами которых стали более 100 миллионов человек. Сегодня, за небольшими исключениями, эти политические системы ушли в прошлое. Тоталитарные государства рухнули, на смену диктатурам пришел демократический строй, а абсолютные монархи лишились трона. Сто лет назад треть населения земного шара жила в колониях, управлявшихся из метрополий за семью морями. К настоящему времени колониальные империи демонтированы. За последние десятилетия мы стали свидетелями того, как диктатуры рушатся одна за другой – особенно после падения «железного занавеса». С окончанием холодной войны канула в Лету и циничная стратегия Вашингтона по поддержке тех диктаторских режимов в третьем мире, которые выступали противниками советского блока.

По данным аналитической организации Freedom House, по состоянию на 2002 год в мире существует 121 страна с демократическим строем, многопартийной системой, всеобщим и равным избирательным правом. В этих государствах проживает 3,5 миллиарда людей, или около 60 % населения

планеты. К категории «свободных» – то есть демократических государств, где полностью соблюдаются права человека, Freedom House относит 85 стран с населением в 2,5 миллиарда человек. В этих странах живет более 40 % населения Земли – беспрецедентная цифра! Иными словами, больше трети человечества является гражданами государств, где власть гарантирует верховенство закона, свободу дискуссий и не препятствует активным действиям оппозиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.